

БОЛЬШАКОВА Юлия Михайловна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института политической психологии и прикладных политических исследований Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., 10; academy.prof.com@gmail.com)

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГИБРИДНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется философско-методологический аспект гибридности как характеристики современного публичного управления. Автор делает вывод об эпистемологическом родстве гибридации как способе осуществления парадигмального транзита, переживаемого современным публичным управлением, и причин, породивших этот транзит, – кризиса публичного управления. В статье определяются вытекающие из этого вывода негативные последствия продолжения эмпирической традиции позитивизма применительно к поиску новой парадигмы публичного управления.

Ключевые слова: публичное управление, гибридность, парадигма публичного управления, парадигмальный транзит, сознательное управление

В последнее время анализу гибридных форм организации было посвящено значительное число научных исследований в разных областях знания. Что касается области публичного управления, то здесь гибридация традиционно связывается с различными административными парадигмами, элементы которых проникали в публичное управление на протяжении нескольких десятилетий. Многие авторы в этой связи отмечают, что прилагательное «гибридный» является наиболее подходящей характеристикой для описания современного публичного управления в разных странах [Denis, Ferlie, Gestel 2015; Skelcher, Smith 2015; Polzer et al. 2016], подчеркивая при этом множественный характер проявлений гибридации.

Поначалу и наш интерес к этой теме в значительной степени был спровоцирован ростом ее популярности. Однако затем фокус этого интереса сместился на философско-методологический аспект явления, в рамках которого могут быть сделаны, по нашему мнению, значимые в научно-практическом плане выводы. Таковым представляется вывод об эпистемологическом родстве гибридации как способе осуществления парадигмального транзита, переживаемого современным публичным управлением, и причин, породивших этот транзит, – кризиса публичного управления. Обоснование и развитие этого вывода вместе с обзорной частью и составляют содержание данной статьи.

Отметим прежде всего, что гибридность – отнюдь не новое явление в публичном управлении. Так, анализируя реформы в Великобритании, Австрии и Новой Зеландии в период 1970–1980 гг., П. Аукойн характеризовал их как как продукт двух противоположных наборов идей о дизайне государственного сектора, которые были сфокусированы на необходимости восстановления примата представительного правительства над бюрократией и примата принципов управления, заимствованных из частного сектора, над бюрократией [Aucouin 1990: 115]. Следствием объединения таких различных принципов зачастую становилось появление гибридных структур и ролей.

Традиционно иерархии, рынок и сети рассматриваются как альтернативные модели управления. Сочетания различных элементов этих трех моделей порождают различные формы гибридов: так называемые реляционные рынки (комбинируют рынки и сети), «управляемые рынки» (объединяют рынки и управ-

ление) и «управляемые сети» (сочетают сети и иерархию) [Denis, Ferlie, Gestel 2015; Emery, Giauque 2014].

Таким образом, рост многообразных проявлений гибридизации в публичном управлении вступает в противоречие с представлениями о поступательном, линейном переходе от одной модели управления к другой (от одной управленческой парадигмы к другой).

Подчеркивая проблематику гибридных форм управления, С. Вайзер отмечает, что новые стандарты государственного управления (новый государственный менеджмент) не вытеснили традиционную логику публичного управления, а были добавлены к ней, при этом вопрос сочленения (элементов разных логик) друг с другом целенаправленно не затрагивался ни политическими властями, ни государственными служащими [Emery, Giauque 2014]. Отметим, что, несмотря на то что в литературе имеется общее понимание возрастающей сложности и гибридности в реформах государственного сектора, среди исследователей отсутствует консенсус относительно содержания этого термина, вследствие чего сама концепция гибридного публичного управления остается весьма размытой, при этом основное внимание, как правило, уделяется организационному дизайну и конкретным проявлениям гибридизации, и редко поднимается вопрос о влиянии этого явления на публичное управление в целом.

Для того чтобы структурировать концепцию гибридности, Дж. Денис, И. Ферли и др. дифференцируют различные формы одновременного появления различных логик, сосредоточив внимание на взаимодействиях между ними [Denis, Ferlie, Gestel 2015]. Первая форма предполагает параллельное сосуществование логик, не порождая при этом соединение их основных элементов, в отличие от ситуаций, когда эти элементы фактически объединены. Если объединение происходит, они могут быть, с одной стороны, переходными (предвещающими замену), а могут быть более устойчивыми. Последнюю форму объединения Дж. Баттилана и М. Ли предлагают рассматривать как собственно гибридную [Battilana, Lee 2014].

В отношении таких устойчивых объединений существуют как минимум две разные формы такого смешивания, которые порождают два возможных типа гибридности: смешивание и наслоение [Denis, Ferlie, Gestel 2015]. Очевидно, что сосуществование различных логик может со временем привести к эффекту «ассимиляции», когда «основная логика принимает некоторые практики и символы новой логики» [Skelcher, Smith 2015: 440].

Тем не менее ассимиляция не является формой гибридности, скорее она рассматривается как постепенная эволюция доминирующей логики [Murray 2010]. Что касается уже упоминавшихся объединения и наслоения как двух различных форм гибрида, основное отличие между ними состоит в том, что объединение рождает гибрид, в котором оригинальные компоненты более неразличимы (такое явление называют синтезом, или комбинацией) [Pache, Santos 2013]. В случае же наслоения различные элементы или их кластеры добавляются поверх другого или рядом с ним, подобно слоям отложений в геологии [Liguori 2012].

Как уже указывалось ранее, сменяющие друг друга административные парадигмы считаются одним из основных источников институциональных изменений в организациях публичного сектора. *New Public Management (NPM)* и *New Public Governance (NPG)* можно рассматривать как доминирующие реформаторские парадигмы последних десятилетий, каждая из которых направлена на преодоление традиционного государственного управления в форме веберианства [Polzer et al. 2016].

Каждая административная парадигма содержит определенный набор основных идей, проблем, которые необходимо решить, а также набор соответству-

ющих инструментов. Так, *NPM* был нацелен на преодоление недостатков традиционного государственного управления в веберовском стиле с целью сделать государственный сектор более рыночным. Его доктрины включают в себя, среди прочего, профессиональное управление, управление эффективностью, контроль производства, дезагрегацию подразделений, внедрение инструментов конкуренции и частного сектора, более экономное использование государственных денег.

Начавшись в англосаксонских странах в 1980-х гг., НПМ и его принципы стали популярными в континентальной Европе с середины 1990-х гг. Примерно через 10 лет *New Public Governance* стремился решить дальнейшие проблемы, порожденные управлением в веберовском стиле, и в то же время преодолеть недостатки *New Public Management*. *NPG* имеет более позитивную позицию по отношению к правительству в целом, но и признает существование плюралистического государства с предоставлением государственных услуг за пределами дихотомии «иерархия – рынок» (например, в сетях между правительством, бизнесом и/или некоммерческими организациями).

Некоторые авторы приводят доводы в пользу продолжающейся конкуренции между этими направлениями (парадигмами), которая в конечном итоге проявляется в «маятниковых колебаниях» – четких сдвигах в последовательности управленческих парадигм и замене старых парадигм на новые [Scarborough, Swan 2001; Norgman, Gregor 2003].

Другая часть исследователей, напротив, придерживается точки зрения, согласно которой развитие публичного управления предполагает более или менее линейные институциональные изменения, когда традиционная (административно-бюрократическая) парадигма государственного управления со временем сменяется *NPM*, который, в конце концов, сам заменяется на *NPG*.

Например, С. Осборн утверждает, что «*NPM* фактически был переходным этапом в эволюции от традиционного государственного управления к тому, что сейчас называется *New Public Governance*» [Osborne 2010: 1]. Более того, парадигмы считаются целенаправленно разработанными, чтобы преодолеть недостатки предыдущих парадигм.

Резюмируя сказанное, мы считаем необходимым для приведения его в более строгое соответствие с рассматриваемым контекстом выделить следующие характерные черты гибридизации как наблюдаемого способа осуществления парадигмального транзита публичного управления.

1. Множественность проявления как в количественном, так и в качественном отношении. В последнем случае мы имеем в виду разнообразие форм проявления гибридизации, таких, например, как сосуществование старых и новых признаков, в свою очередь реализуемых либо в синтетических формах, либо в относительно самостоятельном виде – в наслоениях, замене одних признаков другими, ассимиляции и т.д.

2. Многоаспектность и разнонаправленность. Укрупненно и достаточно условно все направления гибридизации, воплощающей в себе процесс поиска новой парадигмы, можно разбить на идеологические, организационно-коммуникативные и технологические.

Группа идеологических направлений представлена:

1) рационально-экономическим направлением – здесь речь идет, прежде всего, о гибридизации государственного и частного секторов производства публичных услуг на основе заимствования госсектором ряда эффективных средств управления из частного бизнеса (управление качеством, управление удовлетворенностью, маркетинговые технологии и др.), реализованного в рамках НПМ;

2) аксиологическим направлением — здесь акцент сделан на ценностном аспекте как способе преодоления противоречий между индивидуальными и потребительскими предпочтениями, обнаружившими себя в ходе реализации НПМ. Сюда следует отнести, прежде всего, менеджмент публичных ценностей, культурологический подход (М. Дуглас, А. Вильдавски и др.);

3) когнитивным направлением, которое отражает возрастающую роль знания в современном обществе.

К группе организационно-коммуникативных направлений мы относим гибриды на основе комбинирования иерархических, сетевых и координационных способов взаимодействия государства и общества.

Что касается направлений технологической группы (ИКТ, искусственный интеллект, *big data*, *smart*-технологии и др.), то они обязаны своим появлением в первую очередь научно-техническому прогрессу и актуализировались в рассматриваемом контексте вследствие того, что в большой степени способствуют реализации направлений первых двух групп. Впрочем, справедливо и обратное: указанные направления стимулировали в свою очередь и развитие самих технологий.

3. Тактический характер, локальность достигаемой цели. Действительно, всякий раз образование гибрида преследует конкретную частную цель, чаще всего представляющую собой реакцию на неудачу предшествующих действий. Таковы, например, уже упоминавшиеся выше цель повышения качества услуг в рамках НПМ, преодоление противоречий индивидуальных потребительских противоречий в менеджменте публичных ценностей или повышение на базе структурных изменений и новых технологий эффективности коммуникаций государства и общества в рамках направлений соответствующих групп, рассмотренных выше.

Тактический характер процессов гибридизации особенно явственно выступает на фоне отсутствия внятной стратегической идеи, объединяющей все перечисленные направления поиска, и на фоне сопровождающих этот процесс маятникового эффекта (проявляющегося, например, то в уменьшении, то, напротив, в повышении роли государства в управлении), а также эффекта «рыскания» — смены направления поиска.

Все это в совокупности производит отчетливое впечатление поискового процесса, осуществляемого «на ощупь», методом проб и ошибок, что весьма характерно для индуктивно-эмпирической традиции позитивизма в его подходе к процессу познания — того самого позитивизма, в лоне и под влиянием которого с самого начала находились управленческая теория и практика. С одной стороны, это положение представляется закономерным, поскольку общество, социальные системы оказались столь сложными в качестве объектов изучения, что обществоведческие науки, в т.ч. управленческие, оказались просто не готовы к конструированию собственных методологических подходов. Другая, субъективная сторона заключается в том, что заимствование методов естественных (позитивных) наук было «узаконено» и упрочено авторитетом таких выдающихся ученых — представителей позитивизма, как О. Конт, Г. Спенсер, М. Вебер и др. Так или иначе позитивизм сослужил плохую службу управленческой науке и практике, с самого начала обусловив влияние методологической ограниченности теорий, практических школ и рекомендаций, основанных на позитивистских представлениях, и лежащей в их основе формальной логики на абсолютизацию формы в целом. Уместно напомнить в связи с этим, что именно абсолютизация формы, формальных правил в духе веберовской модели идеальной бюрократии лежит в основе административно-бюрократической парадигмы публичного управления, обнаружившей свою несостоятель-

ность на фоне резко возросшей динамики усложнения современных обществ. Таким образом, мы можем зафиксировать эпистемологическое родство между методологической ограниченностью старой административно-бюрократической парадигмы публичного управления, с одной стороны, и гибридизацией как характеристикой процесса поиска – с другой. Источник этого родства – влияние позитивизма, а природа – свойственная последнему абсолютизация формы и эмпирический подход к процессу познания.

В чем все-таки заключается опасность продолжения эмпирической традиции позитивизма применительно к процессу поиска новой парадигмы публичного управления, выразившейся в такой его характеристике, как гибридность? Если исходить из того, что источником сложности (или, в терминологии У. Эшби, разнообразия) общества как объекта управления является личность и сознание человека (а с этим трудно поспорить), то такому объекту неограниченной (в силу постоянного развития сознания и личности) сложности может быть противопоставлен в плане обеспечения управляемости только субъект управления, обладающий не меньшей сложностью (разнообразием), согласно закону того же У. Эшби, т.е. субъект, обладающий управленческим (не путать с обыденным) сознанием.

Отвергнув философию как умозрительную метафизику («наука – сама себе философия»), позитивисты и основной вопрос философии – об отношении бытия и сознания – редуцировали к так называемой психофизической проблеме порождения сознания материальной структурой, содержания – формой. Неудачи многовековых попыток эмпириков решить проблему возникновения сознания в этой плоскости – лучшая иллюстрация их несостоятельности. Применительно к сфере публичного управления эта несостоятельность, как уже отмечалось выше, выразилась в кризисе административно-бюрократической парадигмы публичного управления вебериянского типа.

Альтернативой такому подходу может (и должен) стать диалектический, исторический способ мышления, материалистическая теория возникновения сознания, которая представляется не только наиболее убедительной, но и подтверждена экспериментально в середине прошлого века работами И. Соколянского, А. Мещерякова, Э. Ильинкова. В рамках этого подхода сознание есть результат вовлеченности индивида в процесс деятельностной коммуникации с обществом и, таким образом, диалектического разрешения противоречия между индивидуальным чувственно-эмпирическим знанием и знанием общественным (всеобщим). Аналогично обстоит дело и с управленческим сознанием [Большакова 2019], которое применительно к публичному управлению формируется в результате вовлечения субъекта управленческой деятельности (государства) в деятельностную коммуникацию с обществом и, таким образом, «социализации» его (субъекта), обеспечивающей ему способность воспринимать проблемные ситуации, оценивать свои управленческие действия с позиции интересов общества, мысля его понятиями, категориями, ценностями. В упомянутой же работе, основываясь на этих идеях, нами была сформулирована в качестве новой парадигмы концепция сознательного публичного управления (сознательного государства), из которой как из общего основания и единого корня произрастают все рассмотренные выше концепции и направления поиска [Большакова 2019].

На основе этой парадигмы может быть представлена следующая последовательность этапов парадигмального транзита: 1) подсознательное управление (управление в составе синкретизма собственности, власти и управления); 2) квазисознательное управление (административно-бюрократическая парадигма управления); 3) протосознательное управление (новый государственный

менеджмент); 4) сознательное управление (*governance*, менеджмент публичных ценностей, когнитивный подход). Этот ряд как отражает хронологическую последовательность этапов, так и ранжирует его элементы по степени вовлеченности субъекта управления в деятельностную коммуникацию с обществом, т.е. по степени развитости управленческого сознания.

Продолжение же позитивистской традиции познания, обнаруживаемой в гибридизации как характеристике парадигмального транзита, способно существенно затормозить процесс поиска новой парадигмы (метод проб и ошибок – не самый короткий путь к истине) и надолго задержать его в фазе социогуманитарной манифестации.

Список литературы

- Большакова Ю.М. 2019. В поисках парадигмы публичного управления: концентрианетика – сознательное управление. – *Власть*. Т. 27. № 4. С. 181-186.
- Aucoin P. 1990. Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums. – *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. Vol. 3. No. 2. P. 115–137.
- Battilana J., Lee M. 2014. Advancing Research on Hybrid Organizing. – *Academy of Management Annals*. Vol. 8. Iss. 1. P. 397-441.
- Denis J-L., Ferlie E., Gestel N. 2015. Understanding Hybridity in Public Organizations. – *Public Administration*. Vol. 93. Iss. 2. P. 273-289.
- Emery Y., Giauque D. 2014. The Hybrid Universe of Public Administration in the 21st Century. – *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 80. No. 1. P. 23-32.
- Liguori M. 2012. The Supremacy of the Sequence: Key Elements and Dimensions in the Process of Change. – *Organization Studies*. Vol. 33. No. 4. P. 507-539.
- Murray F. 2010. The Oncomouse that Roared: Hybrid Exchange Strategies as a Source of Distinction at the Boundary of Overlapping Institutions. – *American Journal of Sociology*. Vol. 116. No. 2. P. 341-388.
- Norman R., Gregory R. 2003. Paradoxes and Pendulum Swings: Performance Management in New Zealand's Public Sector. – *Australian Journal of Public Administration*. Vol. 62. No. 4. P. 35-49.
- Osborne S.P. 2010. *The New Public Governance? Emerging Perspectives on the Theory and Practice of Public Governance*. L.; N.Y.: Routledge. 448 p.
- Pache A.-C., Santos F. 2013. Embedded in Hybrid Contexts: How Individuals in Organizations Respond to Competing Institutional Logics. – *The Sociology of Organizations*. Vol. 39B. No. 1. P. 3-35.
- Polzer T., Meyer R.E., Höllerer M.A., Seiwald J. 2016. Institutional Hybridity in Public Sector Reform: Replacement, Blending, or Layering of Administrative Paradigms. – *The Sociology of Organizations*. Vol. 48. No. 1. P. 69-99.
- Scarbrough H., Swan J. 2001. Explaining the Diffusion of Knowledge Management: The Role of Fashion. – *British Journal of Management*. Vol. 12. No. 1. P. 3-12.
- Skelcher C., Smith S.R. 2015. Theorizing Hybridity: Institutional Logics, Complex Organizations, and Actor Identities: The Case of Nonprofits. – *Public Administration*. Vol. 93. No. 2. P. 433-448.

BOLSHAKOVA Yulia Mikhailovna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Senior Researcher at the Institute of Political Psychology and Applied Political Studies, Pushkin Leningrad State University (Lit. A, 10 Peterburgskoye Highway, Pushkin, St. Petersburg, Russia, 196605; academy.prof.com@gmail.com)

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF HYBRIDITY AS A CHARACTERISTIC OF MODERN PUBLIC ADMINISTRATION

Abstract. *The article analyzes the philosophical and methodological aspect of hybridity as a characteristic of modern public administration. The author makes a conclusion about the epistemological relationship of hybridization as a way of implementing the paradigm transit experienced by modern public administration and the reasons that generated this transit, the crisis of public administration. The article determine the negative consequences of the continuation of the empirical tradition of positivism in relation to the search for a new paradigm of public administration.*

Keywords: *public administration, hybridity, public administration paradigm, paradigm transit, conscious management*

УДК 32.019.51

МЕДУШЕВСКИЙ Николай Андреевич — доктор политических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии ЮНЕСКО; факультет истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл. 6; Lucky5659@yandex.ru)

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РАБОТАХ ЛОРИ Г. БИМАН И ЕЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. *В современном конфликтном мире исследование культуры толерантности крайне востребовано и актуально. В российском научном сообществе получают известность работы по данной проблематике, опубликованные в Западной Европе и США. В то же время достаточно мощные исследовательские лаборатории и школы существуют и в других регионах. Мы обращаемся к анализу исследовательского опыта школы канадской исследовательницы-религиоведа Лори Г. Биман. С 2008 г. группа под ее началом проводила активные полевые исследования и создала собственную методологию анализа религиозных и социально-религиозных конфликтов. Комплекс проведенных исследований, реализованных при поддержке канадского правительства, получил итоговое выражение в статьях и книгах последних лет, где рассматривается новая для российского эпистемологического сообщества идея глубокого равенства, которое, по мнению авторов, может сочетаться с религиозным разнообразием, различными взглядами на организацию семьи, гендерные роли, сексуальную ориентацию и другими социальными инновациями, которые получили активное развитие в современном канадском обществе.*

Ключевые слова: *религиозное разнообразие, религиозная идентичность, пол, сексуальная свобода, толерантность, атеизм, глубокое равенство*

Введение. *Монография Лори Г. Биман «Deep Equality in an Era of Religious Diversity» [Beaman 2017], название которой можно перевести как «Глубокое равенство в эпоху религиозного многообразия», увидела свет в 2017 г., и сразу западные исследователи признали ее важной и своевременной работой.*

Прежде чем анализировать содержание и значимость данной работы, следует